

Приходской листок
храма иконы Божией Матери
НЕОТПАЛИМАЯ КУТТИНА
Патриаршего подворья в Очаково-Матвеевском
в г. Москве

Выпуск № 77 от 16 сентября 2017 г.

О смягчении и вместимости сердца

Мы все сталкиваемся с этой бедой. Мы присутствуем за богослужением, мы молимся дома, мы читаем Священное Писание и книги о духовной жизни, думаем о вещах Божественных, а наше сердце... Наше сердце на всё это не откликается. Нет, не просто не откликается – оно и не открывается, оно словно не хочет впустить в себя то, что должно наполнить его, стать его содержанием, его жизнью. Не хочет впустить благодать.

И оно остается холодным, сухим, маленьким и тесным. И мы не знаем, что нам делать с ним, как ему, а точнее – себе помочь. А помощь нужна, потому что живем мы лишь постольку, поскольку наше сердце живо, лишь настольку, насколько оно способно чувствовать, переживать, отзываться.

И протягивает нам руку помощи преподобный Варсанофий Великий, человек совершенный, никогда не говоривший от себя, но лишь возвещавший людям то, что открывал ему Святой Дух: «Чем больше ты смягчишь свое сердце, тем больше благодати вместит оно».

Вот она беда, вот она болезнь – сердечное ожесточение. Нет, не то ожесточение, которое мы испытываем в какие-то моменты по отношению к определенным людям в определенных обстоятельствах, другое – ставшее нашим привычным состоянием.

Стоит ли говорить, что окружающая нас жизнь в целом очень сложна, драматична, даже жестока? Не проходит и дня, когда бы человек не убивал человека – причем не за что-то важное, существенное или просто ценное, но и из-за пустяков, мелочей, подчас буквально – просто так. Не было за всю историю человечества, наверное, и кратчайшего периода, когда хотя бы где-нибудь не шла война, когда бы люди не истребляли друг друга беспощадно, варварски и нелепо. Не было и нет мгновения, когда бы кто-то не лгал, не предавал, не совершал подлости. Мир испорчен до крайности, он прогнил до предела, и человек – испорчен и гнил. И мы постоянно сталкиваемся с этой испорченностью и гнилью, мы входим в жизнь, не зная, чего можно ждать от людей, но очень быстро узнаём. Да, мы встречаем и доброе, и светлое, и настоящее, но как же много всего злого, темного, фальшивого!

И мы – ожесточаемся. Мы привыкаем защищаться, приходим к выводу, что лучший из видов защиты – нападение или хотя бы готовность сразу же контратаковать, как только атаковали нас. Мы стараемся так выстроить свою внутреннюю жизнь, чтобы быть максимально устойчивыми, неуязвимыми для человеческой злонамеренности, мы закрываемся. Но так получается, что закрывается наше сердце в итоге не только от людей, но и от Бога – потому что ожесточается оно.

И что делать с этой данностью? Быть наивными, не замечать, не сознавать того, какая она – жизнь? Получать удар за ударом, рану за раной, травму за травмой? И что же будет тогда с нами, что от нас останется? И разве не безумие это в принципе? Сложный, головоломный вопрос.

Но мне кажется, что он, как и многое другое, разрешается тогда, когда ты задаешь себе самому вопрос: «Да, ты прав. Но скажи: что для тебя на самом деле всего важнее?» Если важнее эта земная жизнь, комфорт и безопасность в ней, карьерный рост, финансовая успешность, то да, ты абсолютно прав: пренебрегать всем этим горьким опытом, жить как бы вопреки ему – безумие. Но что, если для тебя важнее жизнь иная, единственно подлинная – жизнь с Тем, Кто не только Творец и Источник жизни, но и Сама Жизнь? Тогда что с этим опытом, который реален, который отрицать невозможно, делать?

Тогда... Тогда за свое сердце надо бороться – со всем тем, что меняет его, делает другим, чужим для Бога и для нас самих. Бороться не с тем, что угрожает нам, что нападает на нас,

отнимает наше. Бороться с тем, что есть в нас самих, что является подлинной причиной, а не поводом к ожесточению: со своим страхом, своим малодушием, своей корыстностью, завистью, ревностью, с такой трогательной и вместе с тем предательской любовью – к самим себе. Бороться за любовь совсем иную – к людям и к Тому, по Чьему образу и подобию они, ставшие такими, какие есть они сегодня, созданы. К Тому, Кому они и такие дороги, Кем они безмерно любимы.

Нет, наверное, ничего труднее этой борьбы и этой любви. Сына Божия, ставшего Сыном Человеческим, именно она привела на Голгофу. Любить – значит открываться, значит отдавать себя, значит – жертвовать собой. Не без причины, не без нужды, не без необходимости, но всё же и открываться, и отдавать себя, и жертвовать – тогда, когда любовь требует этого, когда она заявляет, что можно только так и никак иначе.

Это очень сложный путь. Настолько сложный, что говорить о нем иногда не только неудобно, но и стыдно: знаешь, как часто то и дело соскальзываешь с него, как – иногда случайно, а иногда сознательно, жалея и тем самым губя себя, – с него сходишь. Куда? Да на ту самую безводную, бесплодную, проклятую почву ожесточения, когда в эту почву превращается, кажется, самая душа твоя.

Но нет счастья для души христианской (а какая душа не христианская, если христианка она по природе?) вне этого пути, вне пути борьбы за любовь, вне любви как таковой. И чего бы ты ни добился в течение отпущенного тебе здесь времени, что бы ни стяжал, как бы высоко ни вскарабкался, всё это не насытит твоего сердца, не принесет подлинной радости, ощущения того, что твоя жизнь – действительно жизнь, а не проживание.

Есть тайна, о которой узнаём мы лишь тогда, когда решаемся на открытость, на жертвенность, на беззащитность, хоть немного подобную той, которую видим мы в те мгновения, когда предается Сын Человеческий в руки грешников, когда подвергается Он и заплеваниям, и заушениям, и бичеванию, когда всё тело Его превращается в одну кровоточащую рану, когда воздвигается Он на кресте в высь неба и звучит при этом лишь одно: «Прости им, ибо не ведают, что творят» (Лк. 23: 34).

Любовь возводит тебя на твою маленькую голгофу, которых, может быть, много будет еще в твоей жизни, и ты вдруг чувствуешь, насколько близок к тебе Христос, что нет другого места, где такой удивительной была бы эта близость, таким осязаемым единением, как крест. И ты понимаешь, что всё стало другим – и эта жизнь, и твое сердце, и ты сам. Что ничего жестокого, ничего чужого в тебе в этот момент не осталось, но лишь то, что хочет в тебе видеть Господь.

Нет, наверное, опыта важнее, чем этот, нет опыта драгоценнее. И его, конечно же, имел в виду преподобный Варсанофий, когда давал когда-то ученику этот ответ: «Чем больше ты смягчишь свое сердце, тем больше благодати вместит оно».

Игумен Нектарий (Морозов)

Любовь к ближним

«Особенно далек от Бога тот человек, который любит только себя».

Напрасны молитвы и подвиги человека, если он питает в сердце злобу на ближнего своего «Если имеете к кому-нибудь неприязнь, старайтесь переломить, победить себя. Молитесь так: “Спаси, Господи, раба Твоего (имя) и святыми его молитвами помилуй меня, грешного, и умири сердце мое”. Принудите себя оказать нелюбимому человеку знаки внимания, старайтесь услужить ему. И Господь, видя ваше доброе намерение, вырвет из сердца неприязнь и наполнит его святою любовью. Напрасны молитвы и подвиги человека, если он питает в сердце злобу на ближнего своего. Господь не отпускает таким грехов на исповеди».

Схиигумен Савва

Издается по благословению настоятеля храма протоиерея Александра Катунина

Адрес: г. Москва, Мичуринский пр-т (Олимпийская деревня), напротив вл. 15.

Сайт: <http://hram-kupina.ru> **E-mail:** hram-kupina@mail.ru
